

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И НАКАЗАНИЕ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

© 2023 г. В. А. Толстик

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации

E-mail: tolstikva@mail.ru

Поступила в редакцию 12.01.2023 г.

Аннотация. В статье анализируется проблема соотношения юридической ответственности и наказания. Выявлены причины, обуславливающие многообразие подходов к соотношению рассматриваемых понятий. Опираясь на ряд методологических предпосылок (определенность в понимании сравниваемых категорий, недопустимость рассмотрения юридической ответственности в отрыве от иных, базовых категорий юридической науки, и прежде всего государственного принуждения, необходимость разграничения понятий «привлечение к юридической ответственности» («назначение наказания») и «реализация юридической ответственности» («реализация (отбывание, исполнение) наказания»)), обосновывается вывод, что понятие «юридическая ответственность» в своем традиционном (ретроспективно-негативном) понимании как мера неблагоприятных последствий, назначаемая уполномоченным субъектом права в особом процедурном порядке за совершенное правонарушение, тождественно понятию «наказание».

Ключевые слова: юридическая ответственность, наказание, осуждение, государственное принуждение, меры защиты, меры пресечения, иные меры уголовно-правового характера, принудительные меры медицинского характера.

Цитирование: Толстик В.А. Юридическая ответственность и наказание: проблема соотношения // Государство и право. 2023. № 10. С. 63–70.

DOI: 10.31857/S102694520024024-7

LEGAL RESPONSIBILITY AND PUNISHMENT: THE PROBLEM OF CORRELATION

© 2023 V. A. Tolstik

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

E-mail: tolstikva@mail.ru

Received 12.01.2023

Abstract. The article analyzes the problem of the correlation of legal responsibility and punishment. The reasons that determine the diversity of approaches to the relationship of the concepts under consideration are revealed. Based on a number of methodological prerequisites (certainty in the understanding of the categories being compared, the inadmissibility of considering legal liability in isolation from other, basic categories of legal science and, above all, state coercion, the need to distinguish between the concepts of “bringing to legal responsibility” (“sentencing”) and “implementation of legal responsibility” (“implementation (serving, execution) punishment”)), justifies the conclusion, that the concept of “legal responsibility” in its traditional (retrospectively negative) understanding as a measure of adverse consequences, appointed by an authorized legal entity in a special procedural order for an offense committed, is identical to the concept of “punishment”.

Key words: legal responsibility, punishment, conviction, state coercion, protective measures, preventive measures, other criminal law measures, compulsory medical measures.

For citation: Tolstik, V.A. (2023). Legal responsibility and punishment: the problem of correlation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 63–70.

Проблема соотношения юридической ответственности и наказания в доктрине не имеет однозначного и, как представляется, адекватного решения. Одни авторы отождествляют данные понятия, другие рассматривают наказание в качестве одной из частей, форм реализации, разновидностей ответственности.

Принятие первой позиции автоматически актуализирует нетривиальный вопрос, если объемы понятий «юридическая ответственность» и «наказание» совпадают, не является ли одно из них избыточным для юридической науки, поскольку в таком случае имеет место ничем не обоснованное удвоение понятийно-категориального аппарата, что, как известно, противоречит требованию единства юридической терминологии.

Однако в правовой доктрине, по крайней мере на сегодняшний день, доминирующей является вторая позиция, более того, нередко ее называют общим местом.

Уместно задаться вопросом, чем обусловлено многообразие подходов к соотношению рассматриваемых понятий?

На наш взгляд, следует выделить ряд обстоятельств. Во-первых, это существующее в доктрине многообразие подходов к пониманию юридической ответственности. В основе подобного многообразия лежат как объективные предпосылки — многозначность слова «ответственность», многообразие проявлений рассматриваемого феномена в социальной (правовой) реальности, его сторон, форм реализации и другие, так и субъективные — различного рода произвольные суждения, нередко генерируемые без достаточных оснований.

Без преувеличения можно сказать, что с точки зрения многообразия подходов и чрезмерной запутанности вопроса юридическая ответственность вполне может конкурировать с проблемой правопонимания. При этом закономерными следствиями повышенного внимания ученых к данным вопросам являются снижение рациональности в познании исследуемых проблем, последовательная трансформация научных споров в сторону схоластики, поскольку такие дискурсы начинают вестись по кругу, с использованием одних и тех же аргументов, а в отдельных случаях обретают ярко выраженную эмоциональную окраску. При этом оппоненты друг друга не слышат и не хотят слышать либо игнорируют контрагента.

В результате мы имеем псевдонаучные дискуссии, представляющие собой одну из форм научного паразитирования.

Во-вторых, многообразие подходов к соотношению рассматриваемых феноменов обусловлено тем, что понятие «наказание» в юридической науке не имеет общеправового статуса¹. На протяжении многих лет оно было монополизировано наукой уголовного права. Термин «наказание» использовался исключительно в данной отрасли юридического знания как неблагоприятное правовое последствие, назначаемое за совершение преступления. В иных отраслях права неблагоприятное последствие, наступающее за совершение иных видов правонарушений, номинировалось и продолжает номинироваться, но уже в менее широкой сфере, термином «взыскание». В 2002 г. в связи со вступлением в силу Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях вместо словосочетания «административное взыскание» в деликтной части административного права стал использоваться термин «административное наказание».

Отмеченная монополия привела к тому, что господствующее в правовой доктрине представление о соотношении юридической ответственности и наказания (сегодня по вышеуказанной причине термин «наказание» в соответствующих контекстах следует употреблять с прилагательными «уголовное» или «административное») были сформированы прежде всего наукой уголовного права с присущей данной отрасли научного знания спецификой. Данные представления отнюдь не едины, они тоже многообразны и весьма противоречивы. Объединяет их лишь то, что все они так или иначе находятся в прокрустовом ложе науки уголовного права.

На наш взгляд, решение проблемы соотношения юридической ответственности и наказания невозможно без учета ряда методологических требований. Во-первых, должна быть определенность в понимании сравниваемых категорий. Без выполнения этого важнейшего требования сколько-нибудь корректное сравнение невозможно.

¹ Следует отметить, что представители науки теории государства и права в последнее время предприняли определенные усилия для обоснования общеправового статуса категории наказания (см.: Нырклов В. В. Поощрение и наказание как парные юридические категории: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003; Соболев М. В. Санкция как элемент юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006).

С пониманием наказания особых проблем не возникает. Существуют две законодательные дефиниции. В ч. 1 ст. 43 УК РФ наказание определено как мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Оно применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных уголовным законом лишении или ограничении прав и свобод этого лица. В ч. 1 ст. 3.2 КоАП РФ дано развернутое определение административного наказания: «административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами».

Вряд ли имеющееся терминологическое различие в родовых признаках «мера государственного принуждения» и «установленная государством мера ответственности» в понимании законодателя имеет сколько-нибудь существенное значение. Они скорее синонимичны, а причина лексического различия, по всей видимости, состоит в том, что данные Кодексы разрабатывались в разное время.

С пониманием юридической ответственности, как было отмечено, дело обстоит значительно сложнее. В условиях отсутствия законодательного определения², что для любого юриста всегда является весомым аргументом, открываются широкие просторы для доктринального творчества.

В результате в правовой науке сложились три подхода к пониманию юридической ответственности: традиционный (ретроспективно-негативный), позитивный (ретроспективно-позитивный и проспективно-позитивный) и интегративный (объединяющий в той или иной вариации первые два)³.

² Следует отметить, что соответствующая дефиниция содержится в ст. 44 УК Республики Беларусь: «Уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом» (см.: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=470;-55#pos=470;-55 (дата обращения: 10.10.2022)).

³ Интегративный подход разрабатывается учеными как общая теория юридической ответственности. Иногда ее называют статутной, единой. Так, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский считают, что юридическая ответственность, как и любой другой вид социальной ответственности, едина и включает в себя как ответственность за будущее поведение (позитивную, добровольную ответственность), так и ответственность за прошлое противоправное поведение (негативную, государственно-принудительную ответственность). При этом ими предлагается следующее определение данного понятия: «Статутная (единая) ответственность — это объективно обусловленная, установленная законом и охраняемая государством обязанность (необходимость) соблюдения правовых предписаний участниками правоотношений, а в случае ее нарушения — обязанность

Вполне очевидно, что с наказанием корректно соотносить юридическую ответственность в ее традиционном, ретроспективно-негативном понимании.

Однако и в этом аспекте в правовой доктрине юридическая ответственность трактуется неоднозначно, как обязанность дать отчет за совершенное правонарушение (В.А. Рыбаков, В.А. Тарасов); реакция общества на правонарушение (Р.З. Лившиц); правоотношение, возникающее между правонарушителем и государством (компетентными органами) (И.Н. Сенякин); оценка (осуждение) противоправного деяния, выраженная в правоприменительном акте (Ю.А. Демидов, Н.А. Огурцов); реализация санкции (О.Э. Лейст, Л.С. Явич); применение мер государственного принуждения (И.С. Самошенко и М.Х. Фарукшин); обязанность претерпевать лишения государственно-властного характера, предусмотренные законом за совершенное правонарушение (С.Н. Братусь); наказание («Наказание — это и есть юридическая ответственность» (Н.С. Малеин))⁴.

Вполне очевидно, что любой из представленных выше вариантов понимания юридической ответственности в его соотношении с наказанием даст существенно различающиеся варианты такого соотношения. Именно поэтому корректное сравнение любых понятий невозможно без четкой определенности в их понимании.

Не ставя перед собой задачу в рамках настоящей статьи сформулировать единственно правильное определение понятия «юридическая ответственность», обратим внимание на ее основания (нормативное — норма, содержащая санкцию за несоблюдение запрета или неисполнение активной юридической обязанности; фактическое — состав правонарушения; правоприменительное — правоприменительный акт, в котором индивидуализирована мера ответственности). Именно эти основания выступают прежде всего в качестве существенных признаков юридической ответственности, которые, в свою очередь, позволяют

правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера» (см.: Липинский Д.А., Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007). Несколько иначе видит интеграцию В.В. Сверчков: «Ответственность представляет собой социально-психологическое воздействие осуждением или одобрением, оказываемое на субъекта вследствие его поведения, и восприятие им такого воздействия интеллектуально и (или) физически» (см.: Сверчков В.В. Ответственность и меры уголовно-правового воздействия: наказание, воспитание, лечение, имущественное взыскание. М., 2021. С. 26).

⁴ Подробнее об этом см.: Липинский Д.А., Хачатуров Р.Л. Указ. соч.; Липинский Д.А. Концепции юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Правоведение. 2015. № 1 (318). С. 45–63.

демаркировать данное понятие от любого другого, не имеющего таких признаков.

Плюрализм в понимании юридической ответственности обуславливает многообразие точек зрения по вопросу времени возникновения юридической ответственности: с момента совершения правонарушения, с момента обнаружения правонарушения, с момента возбуждения уголовного дела, с момента предъявления обвинения, с момента вынесения обвинительного приговора, с момента оглашения обвинительного приговора, с момента вступления обвинительного приговора в законную силу.

Если основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ, а его элементы (признаки) в своей совокупности, включая, разумеется, виновность, могут быть установлены только правоприменительным актом (в уголовно-процессуальном праве — вступившим в законную силу обвинительным приговором суда), до этого момента ни о какой ответственности речи быть не может. Речь может идти о применении к предполагаемому правонарушителю лишь иных мер государственного принуждения.

С учетом сказанного вряд ли корректно использовать словосочетания «освобождение от юридической ответственности» и «освобождение от наказания» до момента вступления обвинительного приговора в законную силу, поскольку нельзя освободить от того, чего еще нет. По этой причине законодатель, на наш взгляд, следует использовать иные, более корректные термины «освобождение от привлечения к юридической ответственности» и «освобождение от назначения наказания».

Во-вторых, юридическую ответственность нельзя рассматривать изолированно (в отрыве) от иных, базовых категорий юридической науки и прежде всего государственного принуждения. В противном случае будет иметь место нарушение системности понятийно-категориального аппарата юридической науки, что неизбежно повлечет за собой возникновение формально-логических ошибок.

Приведем ряд примеров. Так, связывая момент возникновения юридической ответственности с моментом совершения правонарушения, по сути, имеет место отождествление понятия «юридическая ответственность» с такой базовой категорией юридической науки, как «охранительное правоотношение».

При отнесении мер пресечения (например, заключения под стражу) к формам реализации юридической ответственности данное понятие поглощает своим объемом понятие «меры пресечения», которое в теории государства и права традиционно и, заметим, вполне обоснованно, рассматривается

как одна из разновидностей мер государственного принуждения, существующая наряду с юридической ответственностью, мерами профилактики (предупреждения) правонарушений и мерами защиты (правовосстановительными мерами).

Необоснованное расширение объема понятия «юридическая ответственность» может приводить к противоречивости в суждениях. Так, В.В. Сверчков, обоснованно определяя юридическую ответственность как ответственность виновного в совершении правонарушения, говорит, что она «выражается в уголовном преследовании и применении мер воздействия к совершившему преступление лицу»⁵. Однако виновным, как известно, лицо может быть признано исключительно по приговору суда и никак иначе, а уголовное преследование — это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления⁶.

В-третьих, необходимо различать понятия «привлечение к юридической ответственности» («назначение наказания») и «реализация юридической ответственности» («реализация (отбывание, исполнение) наказания»).

Логика разграничения данных понятий должна быть следующей. Привлечение к юридической ответственности (назначение наказания) выражается в издании соответствующего правоприменительного акта, содержащего индивидуально-конкретное правовое предписание, в том числе меры ответственности (наказания). При этом сам акт есть не что иное, как внешняя форма индивидуально-правового регулирования общественных отношений⁷. Реализация ответственности (наказания) есть не что иное, как фактическое претерпевание назначенных лишений личного, имущественного или организационного характера. Можно ли вести речь о юридической ответственности (наказании), если соответствующий правовой акт не реализован? Например, лицу назначено наказание в виде штрафа, а штраф не уплачен. Полагаем, что нет.

По этой причине необоснованно, как это принято в уголовно-правовой науке, рассматривать наказание как форму реализации юридической ответственности. О реализации (исполнении) и наказания, и юридической ответственности обоснованно говорить лишь тогда, когда признанные

⁵ Сверчков В.В. Указ. соч. С. 45.

⁶ См.: Мазюк Р.В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве. Иркутск, 2008.

⁷ См. подр.: Толстик В.А. Спорные вопросы теории правоприменения // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов. Пермь, 16–17 октября 2015 г.: избр. материалы. М., 2016. С. 65–73.

виновными субъекты претерпели определенные для них в правоприменительном акте неблагоприятные правовые последствия.

Опираясь на сформулированные выше методологические положения, предпримем попытку критически оценить доминирующее в правовой доктрине представление, в силу которого понятие «юридическая ответственность» является шире понятия «наказания», поскольку, как утверждается, первое своим объемом охватывает не только наказание, но случаи его неназначения, а также применения иных мер уголовно-правового характера. По мнению В.В. Сверчкова, «закрепленная в законодательстве уголовная ответственность соотносится с уголовным наказанием и другими мерами уголовно-правового воздействия как целое и её части»⁸.

Рассмотрим конкретные случаи и меры. Так, п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ предусматривает возможность постановления обвинительного приговора без назначения наказания. При этом авторы комментария к Уголовно-процессуальному кодексу РФ отмечают, что «оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания (пункт 3 части 5 комментируемой статьи) действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит»⁹.

Д.Б. Лаптев связывает возможность не назначения судом уголовного наказания с теми случаями, когда характер и степень общественной опасности содеянного и особенности личности виновного не свидетельствуют о необходимости его назначения¹⁰. Здесь следует обратить внимание на два момента. Во-первых, суд при принятии решения о неназначении наказания не может иметь и не имеет абсолютной свободы усмотрения, а в обвинительном приговоре должен четко отразить основания такого решения. Во-вторых, исходя из первого соображения, во всех случаях, когда правоприменитель приходит к выводу о нецелесообразности назначения наказания, он должен, на наш взгляд, опираться на основания, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. Это будет оправдано и фактически, и технико-юридически. По этой причине п. 3 из ч. 5 ст. 302 УПК РФ следует исключить.

Однако до тех пор, пока этого не произошло, данный аргумент будет продолжать «работать» на доминирующее в юридической науке представление о соотношении рассматриваемых понятий.

⁸ Сверчков В.В. Указ. соч. С. 45.

⁹ Безлепкина Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд., перераб. и доп. М., 2021.

¹⁰ См.: Лаптев Д.Б. О содержании дефиниции «меры уголовно-правового характера» // Администратор суда. 2018. № 4. С. 35.

Между тем здесь уместно задаться вопросом, обоснованно ли вести речь о привлечении лица к юридической ответственности в тех случаях, когда оно освобождено от наказания либо таковое вообще не назначено? Без наказания в содержании юридической ответственности остается «голое» осуждение. Данное слово в соответствии с авторитетным четырехтомным словарем русского языка, подготовленным Институтом лингвистических исследований Российской академии наук, имеет два значения: «1. Признание виновности обвиняемого, вынесение ему обвинительного приговора, устанавливающего меру наказания. Осуждение обвиняемого. Условное осуждение; 2. Неодобрение, порицание...»¹¹.

Первое смысловое значение слова «осуждение» имеет ярко выраженный юридический характер, поскольку явно или имплицитно предполагает наказание. Осуждение без наказания, формально констатируя факт виновности, общественной опасности и противоправности совершенного деяния, не предполагает возникновение каких-либо правовых последствий и с этой точки зрения не должно доктринально квалифицироваться в качестве юридической ответственности. В подобных случаях речь может идти о моральной, общественной ответственности, но не юридической. Даже в трудовом праве установление факта дисциплинарного проступка не ограничивается формальной констатацией правонарушения, а предполагает наложение определенных взысканий (наказаний). Кроме того, наложение таких взысканий влечет за собой состояние дисциплинарной наказанности, выражающееся в совокупности определенных неблагоприятных для лица правовых последствий. В случае осуждения без наказания этого нет, а значит, нет и ответственности. И еще один момент. Даже если предположить, что у суда, постановляющего обвинительный приговор без назначения наказания, сложилось убеждение о возможности без такового достигнуть цель частной превенции, осуждение без реальных правовых последствий не только не способствует реализации общей превенции, но может оказать и обратный эффект.

Рассматривая далее соотношение понятий «юридическая ответственность» и «наказание», следует выяснить, обоснованно ли в объем первого понятия включать т.н. иные меры уголовно-правового характера.

Уголовное законодательство построено таким образом, что в нем предусматривается исчерпывающий перечень наказаний, и при этом дополнительно указываются иные меры уголовно-правового характера,

¹¹ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М., 1999.

которые формально наказанием не являются. Называются они по-разному: меры безопасности (Алжир, Испания, Мексика, Португалия, Турция и др.); меры исправления и безопасности (ФРГ, Греция); административные меры безопасности (Италия); предупредительные меры (Австрия); уголовные меры (Польша); иные правовые последствия (наказуемого деяния) — Дания и Норвегия; меры надзора и исправления (Судан); иные меры воздействия (Эстония); иные меры уголовно-правового воздействия (Армения, Казахстан, Туркменистан); другие меры правового воздействия (Узбекистан); уголовные меры иного вида (Грузия); иные меры уголовной ответственности (Монголия)¹².

В Российской Федерации, Азербайджане, Таджикистане они называются «иные меры уголовно-правового характера». При этом в Уголовном кодексе РФ есть специальный разд. VI «Иные меры уголовно-правового характера». Однако далеко не все меры помещены в этот раздел, часть из них закреплена в иных главах Кодекса.

Что под ними понимается? Ф.Б. Гребёнкин даёт следующее определение: «под иными мерами уголовно-правового характера следует понимать меры государственного принуждения, не входящие в систему наказаний и санкции уголовно-правовых норм, применяемые к лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления, по усмотрению суда, и ограничивающие их права, интересы и свободы с целью предупреждения совершения ими новых деяний или преступлений»¹³. На наш взгляд, приведенное определение не совсем точно. Во-первых, преступление — это тоже общественно опасное деяние. Во-вторых, целями иных мер уголовно-правового характера может быть не только предупреждение правонарушений, но и возмещение ущерба, улучшение психического здоровья лица, перевоспитание, социальная защита лица.

Д.Б. Лаптев мерой уголовно-правового воздействия предлагает называть наиболее адекватно соответствующий этим обстоятельствам вид юридических последствий, установленных в санкции статьи Особенной части УК РФ, по которой квалифицируется содеянное (наказание), или в диспозиции статьи Общей части УК РФ, в которой предусмотрен способ привилегированного или исключительного правового реагирования (иные меры уголовно-правового характера)¹⁴. При этом он делит их на две группы: привилегированные — те способы, которые позволяют

не применять к лицу уголовное наказание (судебный штраф, принудительные меры воспитательного воздействия, отсрочка отбывания наказания, условное осуждение), и исключительные — те, которые применяются, если лицо не подлежит уголовной ответственности или наказанию (принудительные меры медицинского характера), либо те, которые применяются при наличии особых характеристик преступного поведения, его направленности на определенные законом общественные отношения (конфискация имущества)¹⁵.

В контексте анализируемого соотношения все иные меры уголовно-правового характера прежде всего целесообразно разделить не на привилегированные и исключительные, а на те, которые можно относить к юридической ответственности (наказанию), и те, которые относить нельзя. К последней группе относятся принудительные меры медицинского характера, поскольку основанием для их применения являются обстоятельства, исключающие саму возможность привлечения к юридической ответственности либо назначения наказания. Однако, несмотря на это базовое положение, которое в юридической науке стало общим местом, отдельные авторы, тем не менее, рассматривают данные меры в качестве одной из форм реализации юридической ответственности¹⁶.

Говоря о мерах, которые могут быть отнесены к юридической ответственности, следует отметить, что их дифференциация на меры наказания и иные меры уголовно-правового характера является в определенной степени условной. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к опыту правового регулирования данного вопроса в зарубежных государствах. Можно найти немало примеров, когда одна и та же мера в одних странах включается в перечень наказаний, а в других — относится к иным мерам уголовно-правового характера¹⁷.

Вряд ли существуют сколько-нибудь убедительные аргументы для обоснования того, что такие меры, как конфискация имущества и судебный штраф, предусмотренные разд. VI «Иные меры уголовно-правового характера» УК РФ, не являются наказанием. Можно спорить относительно вида наказания (основное или дополнительное), его отраслевой принадлежности (уголовное, уголовно-процессуальное, административное или иное), но в том, что по своей юридической природе эти меры являются наказанием, сомнений быть

¹² См.: Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / под общ. ред. С.П. Щербы. М., 2009. С. 270.

¹³ Гребенкин Ф.Б. Понятие, признаки и виды иных мер уголовно-правового характера // Системность в уголовном праве: материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая — 1 июня 2007 г. М., 2007. С. 127.

¹⁴ См.: Лаптев Д.Б. Указ. соч. С. 35.

¹⁵ См.: там же. С. 36.

¹⁶ См.: Сверчков В.В. Указ. соч. С. 48.

¹⁷ Например, специальная конфискация, выдворение иностранцев, ограничение специальных прав могут относиться как к мерам наказания, так и к иным мерам уголовно-правового характера (см. подр.: Додонов В.Н. Указ. соч. С. 269).

не должно. Различаться они могут лишь формально-юридически, но не содержательно. Не отличаются содержательно от наказания и принудительные меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетним.

Отдельно следует сказать о тех случаях, когда наказание назначается, но суд при наличии определенных оснований принимает решение о применении условного осуждения или отсрочки отбывания наказания. Применительно к первой мере нам ближе позиция тех авторов, по мнению которых в данном случае имеет место не условное осуждение, поскольку лицо и де-факто и де-юре осуждено, а освобождение от исполнения наказания под условием, что осужденный в период назначенного ему испытательного срока своим поведением докажет свое исправление¹⁸. Кроме того, при назначении условного осуждения судом могут быть назначены дополнительные виды наказаний и возложены дополнительные юридические обязанности на условно осужденного (ч. 4 ст. 73 УК РФ).

Говоря о такой мере, как отсрочка отбывания наказания, во внимание следует принимать момент назначения данной меры. В литературе отмечается, что при применении данной меры на этапе провозглашения приговора ее следует рассматривать как разновидность условного осуждения, а в период отбывания наказания — как условно-досрочное освобождение от отбывания наказания¹⁹.

На наш взгляд, вряд ли обоснованно отсрочку отбывания наказания рассматривать как разновидность условного осуждения, причем как по вышеуказанной причине, так и в силу существенного различия в основаниях и целях назначения. При этом нет оснований не считать отсрочку отбывания наказания наказанием и в то же время относиться к юридической ответственности.

Рассматривая соотношение юридической ответственности и наказания, нельзя обойти вниманием институт судимости (наказанности). Данные состояния влекут вполне определенные неблагоприятные для наказанного правовые последствия. По сути, это дополнительное наказание, которое определяется не в соответствующем правоприменительном акте, а порождается действием общих норм уголовного, административного или трудового закона.

¹⁸ См.: Курс уголовного права: в 2 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 2. Общая часть. Учение о наказании. М., 1999. С. 75, 76.

¹⁹ См.: Курс уголовного права: в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 2. Общая часть. Учение о наказании. М., 2002.

* * *

На основании изложенного выше можно сформулировать вывод о том, что понятие «юридическая ответственность» в своем традиционном (ретроспективно-негативном) понимании как мера неблагоприятных последствий, назначаемая уполномоченным субъектом права в особом процедурном порядке за совершенное правонарушение, тождественно понятию «наказание». Существующие в законодательстве и в значительной степени производные от них в доктрине различия носят не концептуальный, а формально-юридический характер и с этой точки зрения не должны служить основаниями для их разграничения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
2. Гребенкин Ф. Б. Понятие, признаки и виды иных мер уголовно-правового характера // Системность в уголовном праве: материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая — 1 июня 2007 г. М., 2007. С. 127.
3. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / под общ. ред. С.П. Щербы. М., 2009. С. 269, 270.
4. Курс уголовного права: в 2 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Общая часть. М., 1999. Т. 2. С. 75, 76.
5. Курс уголовного права: в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 2. Общая часть. Учение о наказании. М., 2002.
6. Лаптев Д. Б. О содержании дефиниции «меры уголовно-правового характера» // Администратор суда. 2018. № 4. С. 35, 36.
7. Липинский Д. А. Концепции юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Правоведение. 2015. № 1 (318). С. 45—63.
8. Липинский Д. А., Хачатуров Р. Л. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007.
9. Мазюк Р. В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве. Иркутск, 2008.
10. Нырков В. В. Поощрение и наказание как парные юридические категории: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
11. Сверчков В. В. Ответственность и меры уголовно-правового воздействия: наказание, воспитание, лечение, имущественное взыскание. М., 2021. С. 26, 45, 48.
12. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М., 1999.
13. Соболев М. В. Санкция как элемент юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
14. Толстик В. А. Спорные вопросы теории правоприменения // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов. Пермь, 16—17 октября 2015 г.: избр. материалы. М., 2016. С. 65—73.

REFERENCES

1. *Bezlepkin B. T.* Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). 15th ed., reprint and add. M., 2021 (in Russ.).
2. *Grebenkin F. B.* The concept, signs and types of other measures of a criminal-legal nature // Consistency in Criminal Law: materials of the II Russian Congress of Criminal Law, held May 31 – June 1, 2007. M., 2007. P. 127 (in Russ.).
3. *Dodonov V. N.* Comparative Criminal Law. General part / under the general editorship of S. P. Shcherba. M., 2009. P. 269, 270 (in Russ.).
4. Course of Criminal Law: in 2 vols / ed. by N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. The General part. M., 1999. Vol. 2. P. 75, 76 (in Russ.).
5. Course of Criminal Law: in 5 vols / ed. by N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. Vol. 2. General part. The doctrine of punishment. M., 2002 (in Russ.).
6. *Laptev D. B.* On the content of the definition of “measures of a criminal-legal nature” // Court Administrator. 2018. No. 4. P. 35, 36 (in Russ.).
7. *Lipinsky D. A.* Concepts of legal responsibility in domestic jurisprudence // Pravovedenie. 2015. No. 1 (318). P. 45–63 (in Russ.).
8. *Lipinsky D. A., Khachaturov R. L.* General theory of legal responsibility. SPb., 2007 (in Russ.).
9. *Mazyuk R. V.* Criminal prosecution in Russian criminal proceedings. Irkutsk, 2008 (in Russ.).
10. *Nyrkov V. V.* Encouragement and punishment as paired legal categories: dis. ... PhD in Law. Saratov, 2003 (in Russ.).
11. *Sverchkov V. V.* Responsibility and measures of criminal legal impact: punishment, education, treatment, property recovery. M., 2021. P. 26, 45, 48 (in Russ.).
12. Dictionary of the Russian language: in 4 vols / ed. by A. P. Evgenieva. 4th ed., stereotype. M., 1999 (in Russ.).
13. *Sobolev M. V.* Sanction as an element of legal responsibility: dis. ... PhD in Law. M., 2006 (in Russ.).
14. *Tolstik V. A.* Controversial issues of the theory of law enforcement // Sixth Perm Congress of Legal scientists. Perm, October 16–17, 2015: selected materials. M., 2016. P. 65–73 (in Russ.).

Сведения об авторе

ТОЛСТИК Владимир Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почётный работник высшего профессионального образования РФ, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России; 603950 г. Н. Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3

Authors' information

TOLSTIK Vladimir A. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 3 Ankudinovskoe Highway, 603950 Nizhny Novgorod, Russia